

Основные проблемы российского среднего образования и пути их решения

**Родительское
Всероссийское
Сопротивление**

Основные проблемы российского среднего образования и пути их решения

Родительское
Всероссийское
Сопротивление

2024

Оглавление

Введение	5
I. Цифровизация. Дистанционное обучение в школьном классе	6
Каковы главные риски угрозы цифровизации сферы образования?	9
1. Разрушительное влияние цифровых экранных средств на психическое развитие детей	9
2. Разработка индивидуальных образовательных траекторий	13
3. Замена живого учителя на электронного. Внедрение искусственного интеллекта в систему образования	14
4. Доступ к деструктивному развращающему контенту	16
5. Сбор персональных данных и внедрение ювенальной системы через цифровизацию	17
Выводы и предложения	19
II. ЕГЭ: основные проблемы и пути их решения	21
III. Ранняя профориентация	25
IV. Среднее профессиональное образование: основные проблемы	26
1. Сокращение числа учебных заведений СПО	26
2. Коммерциализация СПО	26
3. Снижение качества обучения	27
4. Низкий престиж рабочих специальностей	30
5. Предложения по исправлению ситуации	31
V. Иностранное влияние в области образования	33

Введение

Сфера образования в России находится в катастрофическом состоянии. Разрушение российского образования идет с 1990-х годов, и в этом смысле чиновники, ответственные за сферу образования сейчас, являются продолжателями того разрушительного прозападного курса, который был задан много лет назад. Однако нововведения, появившиеся в последние несколько лет, по уровню концентрации и разрушительности превосходят все предыдущие.

▶ **В разделе V настоящего документа мы привели результаты сравнительного анализа международных западных и российских стратегических документов, касающихся образования. Мы выяснили, что российские документы являются калькой, переводом с иностранных, а все реформы в российском образовании последних лет осуществляются согласно предписаниям и рекомендациям международных наднациональных структур. И такая слепая подверженность иностранному влиянию привела к плачевному результату.**

В результате проводимых реформ качество образования радикально снизилось. Причём по результатам госэкзаменов (ЕГЭ и ОГЭ) это не заметно, что подтверждает мнение специалистов, что ЕГЭ и ОГЭ не позволяют оценить образовательный уровень школьников.

О падении качества образования можно судить, в частности, по двум признакам. Во-первых, растет спрос на услуги репетиторов. Согласно недавнему исследованию портала «Superjob», половина родителей вынуждена прибегать к услугам репетиторов для своих детей.

Второй показатель — жалобы преподавателей вузов на низкий уровень знаний у абитуриентов. Вузы потеряли возможность проводить вступительные экзамены и отсеивать тех, кто имеет худшие знания, однако в дальнейшем им приходится буквально доучивать студентов, давая им те знания, которые они

недополучили в школе и без которых им невозможно дать нужный объем знаний в институте.

Ещё в 2018 году ректор МГУ Виктор Садовничий приводил такие цифры: вследствие плохой подготовки абитуриентов на первом курсе с мехмата приходилось отчислять по 30-40 человек. В настоящее время ситуация ухудшилась. В 2021 году президент Российской академии наук Александр Сергеев в ходе всероссийского форума «Молодежь и наука» заявил о снижении уровня подготовки абитуриентов как о причине ухудшения качества образования, в том числе вузовского.

Создается впечатление, что после начала СВО прозападные «реформаторы» решили добить образование окончательно, подготовив тем самым гарантированный проигрыш России в технологической гонке в ближайшие годы. А значит, и проигрыш в СВО, и уничтожение России как государства.

Приведем ряд важнейших факторов, поставивших сферу образования на грань исчезновения.

I. Цифровизация. Дистанционное обучение в школьном классе

Заявлялось, что цифровизация будет внедрена в экспериментальном порядке в нескольких регионах, но ни о каких результатах эксперимента так и не сообщили, как не сказали и о том, какие результаты эксперимента ожидаются.

В региональные планы по внедрению внесены конкретные показатели. Так, несмотря на заявления о добровольности использования цифровых инструментов, согласно плану внедрения ЦОС по Московской области, к 2024 году 90% детей должны учиться с использованием этой системы.

А согласно паспорту стратегии цифровой трансформации образования от 2021 года, к 2024 году с использованием цифровых материалов должны

проводиться 33% уроков, а проверка домашних работ должна быть автоматизирована, причём к 2030 году половина домашних заданий должна проверяться не учителем, а так называемым «искусственным интеллектом» (ИИ). Планировалось широко использовать различные гаджеты в учебном процессе.

В соответствии с планом, ИИ будет не только проверять домашние работы, но и давать указания учителям по составлению учебных планов, повышению квалификации, обучению детей и так далее. В то же время по всей России внедряется система взвешенных коэффициентов оценок, в соответствии с которой оценкам, выставленным учителями, даётся низший коэффициент, а оценкам, выставленным системой, наивысший. То есть учителей постепенно отстраняют от учебного процесса.

Одной из заявленных целей внедрения ЦОС было обеспечение возможности построить процесс обучения при чрезвычайных обстоятельствах. Такой повод можно признать справедливым, однако судя по тому, что принципы обучения «при чрезвычайных обстоятельствах» переносятся сейчас на обычные обстоятельства, можно сделать вывод, что не это было главной целью цифровизации образования. В чем суть чрезвычайности ситуации? В том, что разрывается единство места (невозможности учиться в здании школы, как это было во времена ковидной пандемии), времени и живой связи учителя и учеников, изъятие учителя из процесса обучения. Вот этот принцип — изъятие учителя из процесса обучения — и внедряется сейчас в систему образования. Отсутствие чрезвычайной ситуации компенсируется созданным искусственно дефицитом учителей в школах.

Несмотря на то, что некоторые инициативы преподносятся как «рекомендации», школы достаточно жёстко мотивируются на их выполнение. Для этого введены региональные системы рейтингов школ, к которым привязаны системы финансового поощрения школ. Организации, наиболее активно внедряющие «рекомендации» министерств — как региональных, так и федеральных — поощряются материально.

Обществу и родителям процесс внедрения цифровизации объясняется необходимостью следовать по пути прогресса и внедрения новых технологий. В кабинетах чиновников говорилось об оптимизации и сокращении расходов на

образование. Сообщается, что учителей в России не хватает, денег на достойные зарплаты для привлечения учителей в школы нет, а поэтому нужно выстраивать новую систему образования, в которой можно будет обойтись без учителей.

Принцип изъятия учителя из процесса обучения и внедряется в систему образования. Дефицит педагогов в школах создан искусственно.

Для этого обучение нужно проводить с помощью электронных средств связи, записанных уроков, проверки домашних заданий с помощью тестов и искусственного интеллекта. В 2020 году общество взбунтовалось против дистанта. И главной претензией граждан было резкое снижение качества образования. И родителям, и учителям стало понятно, что в процессе обучения ключевую роль играет присутствие живого учителя на уроке. Однако по сути сейчас в российских школах сооружается тот же дистант.

Часто материал урока демонстрируется через экранные интерактивные доски (в особенности, когда уже есть готовые уроки), домашние задания выполняются на образовательных интернет-платформах, а учитель превращается в оператора при машине, умеющего вовремя включить экранные средства. Педагог постепенно удаляется из процесса, дети получают знания через экраны, общаются с экранами, только находятся при этом в стенах школы.

Заявлялось, что цифровизация будет внедрена в экспериментальном порядке в нескольких регионах, но ни о каких результатах эксперимента обществу так и не сообщили, как не сказали и какие результаты эксперимента ожидаются.

В региональные планы по внедрению внесены конкретные показатели. Так, несмотря на заявления о добровольности использования цифровых инструментов, согласно плану внедрения ЦОС по Московской области, к 2024 году 90% детей должны учиться с использованием этой системы.

Однако прогрессивные технологии не означают прогрессивного обучения и более эффективного получения знаний. Наоборот, экранные средства способствуют ухудшению качества знаний. Исследования показывают, что при цифровом способе работы с информацией снижается память, скорость и качество совершения мыслительных операций, серьезным образом нарушается внимание.

Каковы главные риски угрозы цифровизации сферы образования?

1. Разрушительное влияние цифровых экранных средств на психическое развитие детей

Само взаимодействие с экранами разрушительным и непоправимым образом воздействует на психическое развитие детей.

Результаты одного из самых крупных исследований проекта Global Mind Project (официально известного как Mental Health Million Project) свидетельствуют, что во всем мире, где есть доступ к Интернету, общее психическое благополучие систематически снижается для каждого молодого поколения (Age of First Smartphone/Tablet and Mental Wellbeing Outcomes, 2023). Эта тенденция заметна в 65 странах на всех континентах.

Исследования показывают, что тенденция прогрессивного глобального снижения психического благополучия каждого молодого поколения связана с появлением смартфона, который обеспечивает круглосуточный доступ к Интернету. Именно это стало фактором распространяющегося эмоционального неблагополучия и снижения когнитивных функций у молодых людей.

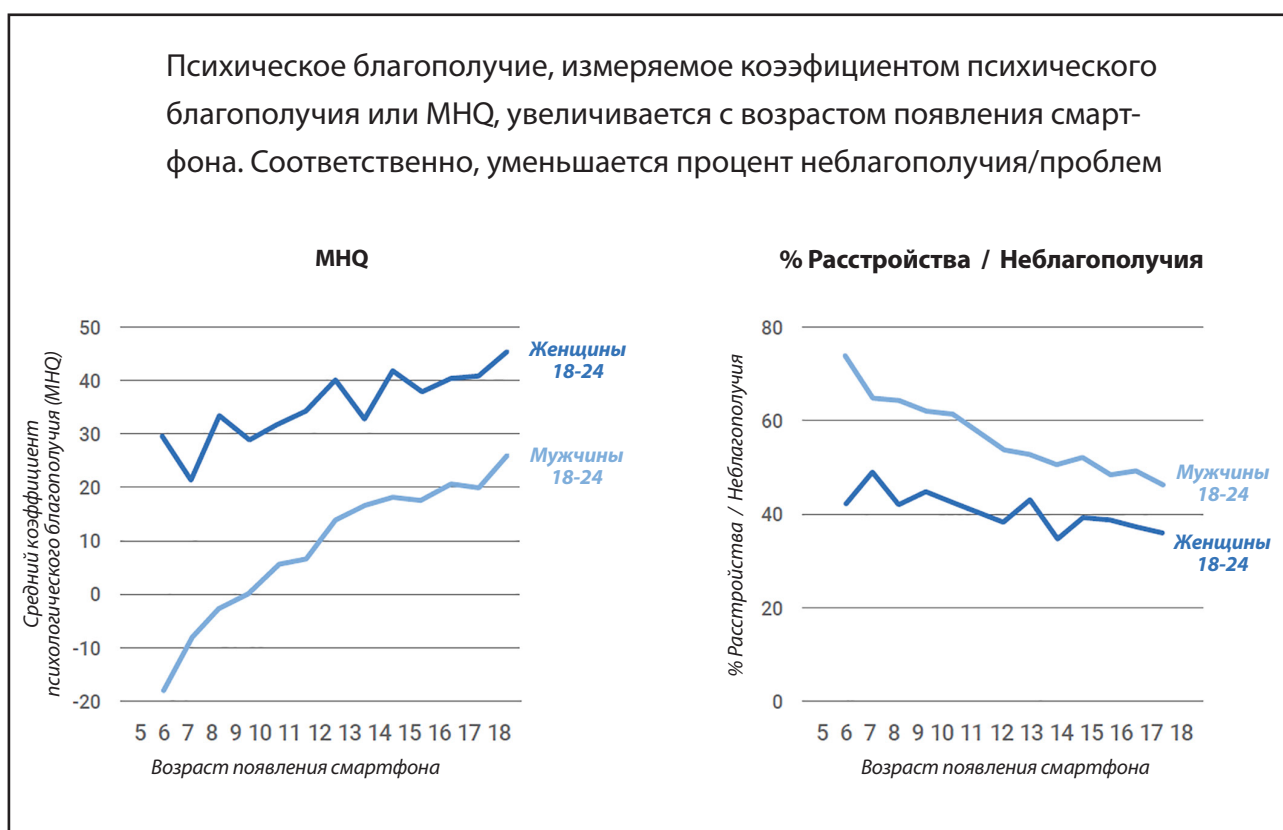
Результаты исследований свидетельствуют, что показатели психического благополучия у молодых людей тем хуже, чем раньше они получили в руки гаджет.

Особенно сильно гаджеты влияют на девочек и женщин. Среди женщин, которые получили свой первый гаджет в возрасте 6 лет, 74% имели показатели, свидетельствующие о психическом неблагополучии. Этот показатель снизился

до 61% для тех, кто получил свой первый смартфон или планшет в 10 лет, и до 52% для тех, кто получил свой первый смартфон в 15 лет. В целом, даже среди тех, кто приобрел свой первый смартфон в 18 лет, 46% всё же демонстрируют признаки психологического неблагополучия.

У мужчин показатели несколько лучше. Так, среди тех, кто начал пользоваться гаджетами в 10 лет, 43% демонстрировали показатели психического неблагополучия.

Рис. 1. Психическое благополучие молодежи (возраст 18-24) улучшается с увеличением возраста появления смартфона

Однако и это достаточно высокий процент, если сравнить с показателями психического неблагополучия у респондентов в возрасте 45 лет и старше, которые выросли и прожили большую часть своей молодой взрослой жизни до повсеместного распространения Интернета. В этой группе он составляет менее чем 14%.

Цифровая среда является противоестественной для человеческого восприятия. Она перенасыщена постоянным, нескончаемым потоком

информации, который угнетающим образом воздействует на психику человека. Результаты исследований Стэнфордского университета показывают, что в гиперинформационной среде подавляется работа систем мозга, связанных с мышлением¹.

Проведение времени в экранных средствах снижает концентрацию внимания². Согласно выводам одного из крупнейших исследований китайских ученых, использование мобильных телефонов приводит к дефициту внимания. Нарушение внимания у детей начинается, если ребенок проводит за телефоном более 60 минут в день³.

Американские исследователи сообщают, что компьютерные игры снижают способности детей к обучению, их академическая успеваемость падает по сравнению с детьми, которые не играют в компьютерные игры⁴.

Эмоциональная сфера. Чем больше молодые люди проводят времени за экранами устройств, тем сильнее у них нарастает депрессивный эмоциональный фон и суицидальные тенденции⁵.

У активных пользователей экранных средств выявлена повышенная импульсивность, гиперактивность и негативное социальное беспокойство⁶.

Психологи и социологи США провели исследование, выяснявшее связь между использованием мобильных телефонов и эмоциональным состоянием у студентов американских колледжей. Результаты исследования свидетельствуют о том, что применение мобильных телефонов провоцирует снижение успеваемости, усиливает тревожность, отрицательно влияет на эмоциональное благополучие⁷.

1 Ashley C. Chen, Desmond J. Oathes, Catie Chang, Travis Bradley, Zheng-Wei Zhou, Leanne M. Williams, Gary H. Glover, Karl Deisseroth deissero@stanford.edu, and Amit Etkin. Causal interactions between fronto-parietal central executive and default-mode networks in humans. 2013.

2 Gloria Mark. The cost of interrupted work: More speed and stress. 2008.

3 <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25273315/>

4 <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20424084/>

5 <https://psycnet.apa.org/record/2017-58243-001>

6 <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28678870/>

7 <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563213003993>

Ученые напрямую связывают возраст, когда ребенок получил гаджет в руки, с психическим благополучием. Чем раньше дети знакомятся с телефоном, тем чаще у них наблюдаются депрессии, склонность к суицидам и агрессивное отношение к окружающим.

Специалисты всё чаще наблюдают среди детей такое явление, как «цифровой аутизм». Это расстройство, при котором дети не интересуются другими людьми: как взрослыми, так и сверстниками. Они не могут понимать другого человека. Нельзя не задаться вопросом о том, смогут ли эти дети, став взрослыми, создавать семьи и воспитывать собственных детей. Существуют исследования, свидетельствующие о том, что молодые люди из поколения миллениалов в среднем существенно реже создают не только семьи, но даже пары⁸.

Использование гаджетов пагубно влияет и на физическое здоровье детей и взрослых⁹.

Кроме того, сама зависимость от гаджетов и компьютерных игр становится поистине настоящей большой эпидемией среди российских детей. Приведем данные исследования лаборатории Касперского, проведенного в 2018 году:

а) Мобильное устройство родители чаще всего дают ребенку впервые в 3 года.

б) У 54% детей в возрасте 4-6 лет уже есть свой смартфон или планшет, а к 11-14 годам этот показатель достигает отметки в 97%.

в) Доля детей, которые не могут обойтись без гаджетов, достигает 85%. В частности, более 70% не могут обойтись без своего смартфона. С возрастом этот показатель увеличивается и к 16-18 годам достигает 85%.

г) Около трети детей в возрасте 15-18 лет проводят в интернете почти всё свободное время¹⁰.

8 <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-02-14/gen-z-is-too-compliant-to-achieve-greatness>

9 https://rbh.rsmu.press/files/issues/rbh.rsmu.press/2022/2/2022-2-1106_ru.pdf?lang=ru

10 https://kids.kaspersky.ru/wp-content/uploads/sites/2/2019/04/190402_Children_Russia_Report_Practics-1.pdf

д) Практически постоянно в интернете находятся более половины всех опрошенных несовершеннолетних пользователей в России (56%). Показатели по США и Европе ниже — 51% и 40% соответственно¹¹.

е) Чем старше дети, тем больше времени они проводят в Интернете. Так, 68% российских подростков (14-16 лет) почти постоянно находятся онлайн. В большинстве исследуемых стран этот показатель ниже. Например, в Великобритании он составил 60%, а в Германии — 58%¹².

Итак, экранные средства уже сейчас превращают целые поколения российских детей в будущих психически неблагополучных граждан, не способных на серьезный труд (как интеллектуальный, так и физический), на развитие и имеющих серьезно нарушенные навыки социального взаимодействия. Подобное положение дел несет в себе угрозу для безопасности государства, особенно в условиях военного и технологического противостояния России практически со всем западным миром.

О дефиците научных и инженерных кадров уже сейчас сообщают представители научно-производственной сферы и ВПК. Далее, при условии сохраняющейся тенденции разрушения психического здоровья и интеллектуального развития миллионов граждан, проблема будет резко усугубляться.

2. Разработка индивидуальных образовательных траекторий

В «Паспорте стратегии Цифровой трансформация образования 2021» сообщается, что цифровизация «позволит реализовывать образовательные программы углубленного уровня и выстраивать индивидуальные образовательные траектории».

Согласно ГОСТУ Р 59895-2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании» индивидуальная траектория обучения — это «последовательность учебных материалов, которая формируется исходя из анализа персональных характеристик обучающегося и целей обучения».

¹¹ https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16

¹² Там же.

И самое главное: переход на индивидуальные траектории означает разрушение общего образовательного пространства, общих образовательных программ и стандартов, общей системы оценок и, как мы видим, постепенный отказ от учителей. Это шаг к уничтожению того самого принципа равного доступа к образованию, о котором так плачутся западные эксперты в своих документах.

Отбор талантливых детей и «оптимизация» образования для всех остальных» не сработает и приведет к усугублению кадровой катастрофы.

Смысл и цель индивидуальных траекторий — отбор талантливых детей и «оптимизация» образования для всех остальных. Однако делать ставку на подобный американский подход — большая ошибка. США так и не удалось выстроить свою кузницу кадров. Они занимаются покупкой специалистов и ученых по всему миру. Причина нехватки собственных кадров как в США, так теперь и в России — нежелание признавать, что для воспитания трудоспособной, образованной и талантливой молодежи в нужных для страны количествах необходимо давать достойное, качественное и разностороннее образование для всех.

3. Замена живого учителя на электронного.

Внедрение искусственного интеллекта в систему образования

Разработкой индивидуальных траекторий для российских детей, согласно документам, будет заниматься искусственный интеллект, который станет «выявлять» таланты и способности и планировать программы обучения для школьников. Для этого в российских школах будет внедряться «сервис, автоматизирующий проверку домашних заданий и планирование рабочих программ с привлечением экспертных систем искусственного интеллекта, упрощающий и помогающий сформировать эффективную систему выявления, развития и поддержки талантов у детей», — сообщается в Стратегии цифровой трансформации образования.

Таким образом, мы видим, что у учителей постепенно отнимаются все их функции. Передача знаний, проверка знаний учеников — всё это предполагается передать в руки ИИ.

Каким образом ИИ будет осуществлять процесс обучения? Ведь процесс передачи знаний в подавляющем большинстве случаев (если не говорить об отдельных гениях, которые способны учиться исключительно по книгам) связан со взаимодействием с учителем. Взаимодействие это не ограничивается исключительно передачей информации. Оно гораздо сложнее. Это система со сложной обратной связью.

Одна из главнейших задач педагога — заинтересовать своим предметом учеников. А это невозможно без материалов, выходящих за рамки программы, каких-то примеров или случаев из жизни. И сильно зависит от самой аудитории. Педагог должен «чувствовать аудиторию». Разная аудитория может потребовать разных образов и примеров.

Важной задачей педагога является то, что называется «удержать аудиторию», то есть удерживать внимание. А это невозможно без того, чтобы наблюдать за ней и видеть реакцию. И в зависимости от реакции — варьировать подачу материала, даже если ученики не задают вопросов.

Еще одной задачей педагога является простая обратная связь с учеником в виде ответов на вопросы. Но вопросы формулируются человеком, и ответы на них зачастую нетривиальны — они могут содержать образные примеры, аналогии и иные творческие вещи, недоступные нынешнему ИИ, поскольку на деле это вовсе не ИИ, а большая база данных, в которой ищутся ответы. Они не генерируются. И если в базе ответа нет, то ученик его не получит или получит не связанный с вопросом ответ. Что мы можем наблюдать зачастую в «общении» с «Алисой» от «Яндекса».

! Искусственный интеллект не сможет обеспечить настоящий процесс передачи знаний

К тому же заинтересованные ученики способны задавать вопросы, выходящие за рамки школьного курса. И, наконец, самая очевидная задача — передача знаний. Но, как мы видим, чтобы дойти до этой задачи, нужно сначала

решить несколько нетривиальных. А этого нынешний так называемый искусственный интеллект сделать не может.

Соответственно, передачи знаний индивидуальным образом ИИ детям обеспечить не сможет.

Уничтожение института учителей и замена их ИИ, уничтожение классических форм передачи и оценки знаний — это и есть разрушение всей системы образования.

Между тем цифровизация, помимо катастрофических последствий, которые она несет для образования и для психического здоровья детей, таит в себе и другие угрозы для безопасности государства.

После жалобы уполномоченной по правам ребенка в Ульяновской области Екатерины Смороды Владимиру Путину на цифровую рутину, которую в большем количестве возложили на учителей, всё, что предложило правительство — дополнительно доплачивать учителям за нее. В то время как главная проблема в том, что эта рутина отнимает у педагога время на непосредственно педагогическую деятельность.

4. Доступ к деструктивному развращающему контенту

В настоящее время школы принуждают детей регистрироваться в соцсетях и платформе Сферум, декларируя при этом «добровольность» этой процедуры. Однако мы часто получаем жалобы от родителей, которые сообщают, что их принуждают регистрировать детей на образовательных платформах, шантажируя их тем, что детей лишат возможности полноценно учиться.

Детей приучают пребывать в интернете, практически не оставляя им никакого выбора. Через мессенджеры, социальные сети, компьютерные игры (в которые школьников сейчас активно вовлекают через занятия киберспортом) детей и молодежь беспрепятственно приобщают к деструктивному контенту, который пропагандирует наркоманию, нетрадиционные сексуальные отношения, человеконенавистничество, детонавистничество, оккультизм, сатанизм, зоофилию, опасные и экстремальные для здоровья формы поведения, аборт,

самоповреждения, содержит суицидально-депрессивные материалы. При этом и создателей контента, и владельцев площадок, его размещающих, привлечь к ответственности удается крайне редко.

По оценкам экспертов, такая деструктивная информация охватывает посредством интернета от 5 до 14 миллионов учетных записей российских подростков¹³.

Особенно опасной является социальная сеть ВКонтакте. А платформа «Сферум» дает доступ ко всему контенту социальной сети ВКонтакте, в том числе и порнографии. Чиновники от образования затягивают детей в интернет и соцсети, никоим образом не гарантируя их безопасность.

5. Сбор персональных данных и внедрение ювенальной системы через цифровизацию

Существует еще один опасный аспект цифровизации образования. Слежка за семьями в целях контроля и «профилактики» с внедрением цифровизации выходит на новый технологический уровень. Важно понимать, что эта инициатива, как и все остальные реформы, прописана в международных документах. И наши образовательные министерства ее активно исполняют. Ювенальная система в России была остановлена с большим трудом, после активных массовых протестов родителей и прямого вмешательства президента РФ Владимира Путина. Но развитие цифровых технологий и внедрение их в нашей стране дало ей новый толчок.

Сфера образования стала одним из основных проводников ювенальной системы в России.

В регионах создаются базы данных школьников, в которые вносятся не только персональные данные детей, их достижения и успехи в учебе, но также все сведения о семье, психологические особенности ребенка, отношений в семье, ювенальные индикаторы «семейного и детского неблагополучия».

¹³ Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Цифровая гигиена. Молодежь в сети. — М.: Крибрум, 2019. С.3.

Все эти сведения должны собираться и вноситься в базу учителями без ведома и позволения родителей. Учителей, по сути, превращают в доносчиков. Весь процесс находится вне правового поля, поскольку речь идет не о совершенных членами семьи правонарушениях, а о неких, оцениваемых субъективно, показателях неидеальности семьи, на основании которых далее принимаются решения, например, о постановке семьи в группу риска социально-опасного положения (СОП).

Сам по себе сбор данных о детях угрожает безопасности будущих граждан страны. Учитывая постоянные массовые утечки данных, которыми могут воспользоваться и враги России, такой сбор информации опасен для государства в целом. По сути, на каждого ребенка – возможно, в будущем политика, военнослужащего, инженера, будет собрано подробное досье. Несколько лет назад Владимир Путин наложил вето на законопроект о контингенте обучающихся, предусматривающий тотальный сбор данных на детей. Однако чиновники от образования волю главы государства вновь саботируют.

Сбор компрометирующих данных, слежка за семьей сами по себе аморальны и являются одним из основных элементов ювенальной системы.

Однако чиновники от образования пошли еще дальше. Они выставляют каждому ребенку и семье рейтинги «успешности».

В некоторых регионах детей заставляют делать домашние задания на цифровых платформах. И рейтинги успешности выставляют в зависимости от количества выполненных заданий. При этом бесплатной является только небольшая базовая часть заданий. За всё остальное родителям приходится платить. Возмутительно, что рейтинг этот завязан на финансовые возможности семьи. Так что детей ПРЯМО делят на качественных и некачественных в зависимости от количества денег у родителей. Мы считаем, что это прямое разжигание социальной розни.

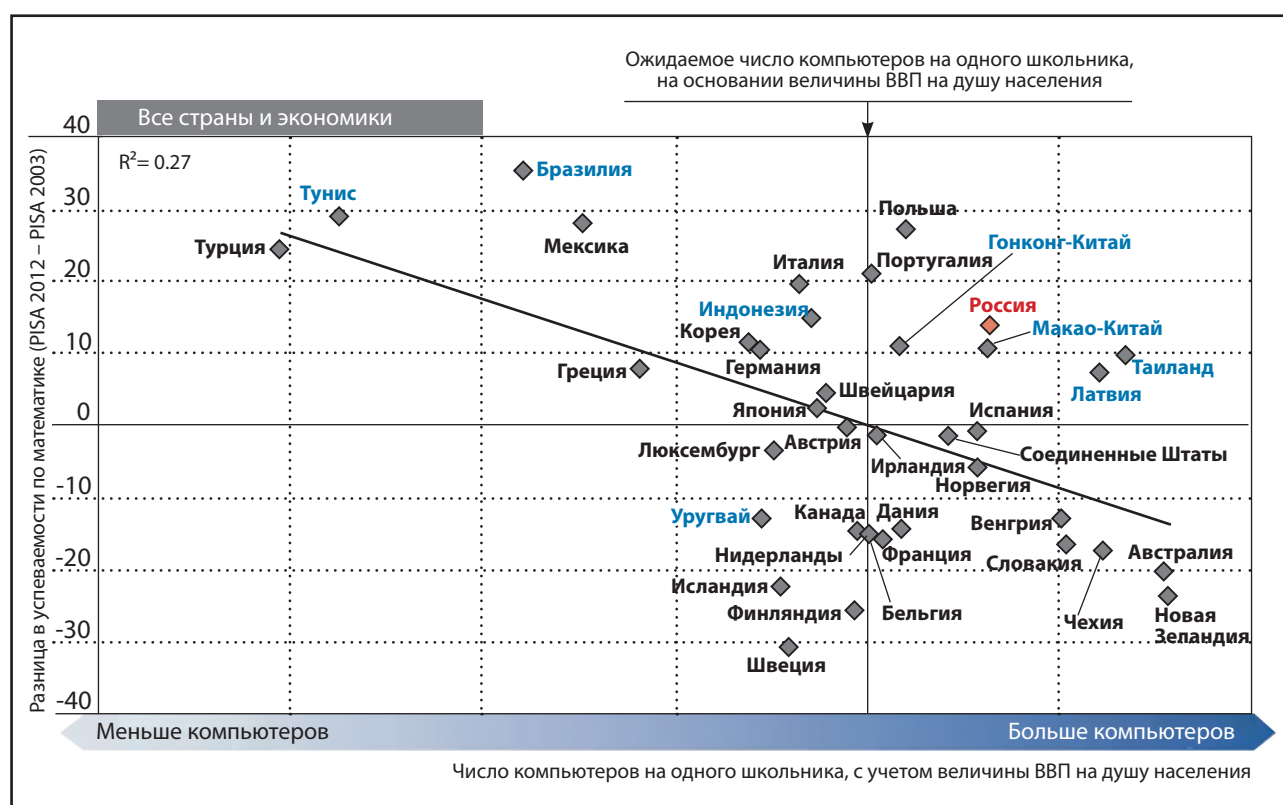
Цифровые образовательные платформы превратились не только в инструмент вытягивания денег из родителей, но также в инструмент внедрения в России социального рейтинга.

Выводы и предложения

Из приведенных выше результатов исследований о вреде цифровых устройств становится понятно, что итогом цифровизации не станет повышение качества образования.

Такие же выводы сделали эксперты ОЭСР в 2015 году в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA. Они провели исследования, показавшие, что чем более школы оснащены цифровыми средствами, тем хуже в них успеваемость¹⁴.

Рис. 2. Зависимость между числом компьютеров в школах и успеваемостью по математике¹⁵

14 https://www.oecd.org/en/publications/2015/09/students-computers-and-learning_g1g57f3a.html и <https://web.archive.org/web/20150921172715/https://www.oecd.org/fr/edu/scolaire/Connectes-pour-apprendre-les-eleves-et-les-nouvelles-technologies-principaux-resultats.pdf>

15 https://www.oecd.org/en/publications/2015/09/students-computers-and-learning_g1g57f3a.html

Запрет экранных средств в школах и рост качества обучения

Лондонская школа экономики и политических наук провела большое исследование, в которое были вовлечены десятки школ из нескольких городов Великобритании. Ученые сравнивали результаты обучения в школах, в которых детям было разрешено использование мобильных телефонов, с успеваемостью детей в школах, в которых гаджеты запрещены. Результаты показали, что после введения запрета телефонов в школах у учеников выросла успеваемость. Однако, оговаривают исследователи, успеваемость росла только при условии, что запрет на гаджеты был полным: детям запрещалось приходить в школы с телефоном или же им предлагалось сдавать телефоны в специальные места хранения перед началом уроков и забирать их только после окончания занятий¹⁶.

- Российские школы пока еще не полностью цифровизированы. Дети всё еще учатся по бумажным учебникам, они всё еще имеют возможность работать в бумажных тетрадях. В образовательном процессе пока еще не уничтожено живое взаимодействие учителей и учеников, поэтому отказ от гаджетов и экранных средств в школах в настоящий момент может стать одним из эффективных средств повышения качества образования и улучшения психического здоровья российских детей.

16 <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1350.pdf>

II. ЕГЭ: основные проблемы и пути их решения

Претензии к ЕГЭ высказывают не только родители, но и эксперты в области образования. Мы поддерживаем контакты и с теми, и с другими, некоторые эксперты входят в состав нашей организации. Причин недовольства экзаменом много, мы перечислим основные с нашей точки зрения:

1. ЕГЭ плохо подходит для оценки подготовки абитуриентов вузов, так как вузам зачастую необходимо проверять уровень знаний по конкретным направлениям внутри предметов.

2. ЕГЭ не позволил побороть коррупцию, как было обещано. Например, у всех на слуху случаи стобалльников по русскому языку из южных республик, которые плохо говорят по-русски. Есть и другие признаки коррупционной помощи на экзаменах, риски этой помощи отмечает сам Рособрнадзор.

3. При внедрении ЕГЭ было объявлено, что он станет социальным лифтом, позволяя жителям из разных регионов поступать в столичные вузы. Однако мы видим, что школы не справляются с подготовкой к ЕГЭ. Об этом, в частности, заявляла заммэра Москвы Анастасия Ракова, пообещавшая изменить программу подготовки в школах. В результате выигрывают дети обеспеченных родителей, которым нанимают репетиторов. Это усиливает социальное расслоение, а не позволяет его сократить. И даже если ЕГЭ в чем-то помог этому лифту (что сомнительно), то он резко снизил уровень образования. Следовательно, необходимо организовывать социальные лифты каким-то другим способом.

4. Из-за наличия двух вариантов экзамена — «базового» и «профильного» — в вузы приходят абитуриенты с очень низким уровнем подготовки, которых приходится «подтягивать» в течение первого курса. Это происходит из-за

снижения нижнего порога прохождения экзамена, ведь выпустить ученика без аттестата недопустимо, это трактуется как неэффективное расходование бюджетных средств. В результате «базовый» экзамен может сдать учащийся 7-го класса.

5. Ранее система ЕГЭ спровоцировала нехватку абитуриентов для поступления в вузы. В стране просто не нашлось достаточного числа выпускников, сдавших необходимый набор экзаменов. При этом они не обязательно не хотели бы учиться по техническим специальностям, на которые не могли набрать студентов. Однако возможности передумать и сдать вступительные экзамены по физике и информатике у них уже не было. Десятки тысяч бюджетных мест в вузах остались вакантными.

6. ЕГЭ не позволяет измерить качество образовательной системы, уровень образования в РФ. Несмотря на то, что в Центре оценки качества образования и Институте содержания и методов обучения Российской академии образования (ИСМО РАО) утверждали, что ЕГЭ не годится для оценки качества образования, по факту, при оценке качества образования в регионах, например, ориентируются на результаты ЕГЭ.

7. Минобрнауки не рекомендует использовать результаты экзамена для аттестации школ и учителей, но фактически это происходит повсеместно. Хотя очевидно, что при существующих масштабах задействия репетиторов для подготовки к ЕГЭ, они вносят большой вклад в результаты. Кроме того, учителя сопротивляются включению в состав 10-х классов слабых учеников, опасаясь, что они не сдадут ЕГЭ. То есть школа перестает выполнять свою главную миссию: обеспечивать качественное общедоступное образование.

8. Таблица пересчета первичных баллов ЕГЭ в тестовые, итоговые со временем меняется, что не позволяет сравнить результаты разных лет. Кроме того, сами первичные баллы меняли свой «вес» применительно к оцениванию заданий экзамена.

Объясняется необходимость пересчета тем, что идет статистическая корректировка, связанная с неопределенным уровнем сложности экзамена. При пересчете первичных баллов в итоговые возможны подтасовки, позволяющие скрыть падение уровня образования.

9. Результаты сдачи ЕГЭ не могут расти бесконечно, они ограничены предельным баллом, который равен 100. Тем самым фактически установлен предел роста качества образования (ведь ЕГЭ объявлен первым и важным критерием оценки качества системы образования). В какой-то момент станет невозможно отчитываться о росте уровня образования, а вузы, когда результаты ЕГЭ вырастут у всех абитуриентов, не смогут выявить лучших из них.

Во избежание такого развития событий чиновники, вероятно, поняли, что необходимо периодически «сбрасывать» накопленный результат с тем, чтобы «рост» продолжился вновь. Видимо, именно этим объясняются колебания величины среднего балла и колебания размерности шкалы перевода первичных баллов в тестовые. Для такого «сброса» достаточно усложнить некоторые задания, что и произошло в этом году: репетиторы и эксперты по русскому языку отметили усложнение ряда заданий ЕГЭ и ОГЭ в текущем году (результаты последнего были много лет стабильны, в отличие от результатов ЕГЭ), что неминуемо ухудшит результаты школьников на экзамене.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ:

- Использовать ЕГЭ только для оценки уровня подготовки выпускников школ, а для поступления в вузы вернуть традиционные вступительные экзамены. Детям из регионов дать возможность сдавать экзамены в столичные вузы дистанционно, либо оплачивать им проезд до вуза и обратно.
- Минимизировать проверку результатов ЕГЭ машинным способом, который позволяет оценить верность ответа, но не ход решения. Это позволит, в том числе, упростить заполнение бланков, побороть проблемы неверной обработки результатов и оценивать ученика не только по результату решения, но и по ходу решения, несмотря на возможные мелкие ошибки в ходе этого решения.

- Уйти от шаблонизации заданий ЕГЭ в целом и особенно сочинений (четко известно, что нужно высказать какую-то простую мысль, подтвердить ее 2-3 цитатами и в конце сказать шаблонную фразу).
- Увеличить объем сочинения, который сейчас непозволительно занижен.
- Ввести устные экзамены. Без них ученики не учатся устно формулировать свои ответы, устная речь у детей теряется.
- Еще одна возможность избавиться от коррупционной составляющей — снимать процесс устной сдачи экзаменов на видеокамеру, чтобы нельзя было обвинить ученика в списывании (при обвинении всегда можно поднять записи и убедиться, было что-то или нет), а экзаменующего — в предвзятости.
- Сделать прозрачной систему перевода первичных баллов в итоговые. Запретить менять систему пересчета без необходимости. Освещать все изменения в этой системе.
- Отказаться от публикаций демонстрационных версий экзамена. От них также выигрывают лишь те дети, которые готовятся к ЕГЭ с репетиторами.
- С возможной подменой экзаменационных бюллетеней бороться с помощью сканирования оригинала работы с передачей скана в защищенное хранилище, фиксируя процесс сканирования на видео (как на выборах).
- Отказаться от «базовой» формы экзамена, оставив один вариант сложности.

III. Ранняя профориентация

Профориентация — это лишение детей будущего. Интерес школьника может заключаться только в получении фундаментального, разностороннего образования, позволяющего в свое время после окончания школы выбрать подходящую профессию и продолжить обучение в вузе или системе профессионального обучения.

В результате, когда молодой человек наконец осознаёт, кем он хочет быть, его настоящий «билет в будущее» оказывается ему уже недоступен, потому что он учил не те предметы, имеет не те навыки, а чтобы переучиться, нужно время и деньги, которых нет.

Ранняя профориентация, безусловно, нужна не детям, а работодателям. Однако она также в конечном итоге не выгодна государству. В условиях постоянно меняющихся технологий особую ценность приобретает наличие у работника фундаментальных знаний и способности учиться и развиваться. А эти способности он приобретает, получая широкие знания. Технологический прогресс обеспечивается широкими фундаментальными знаниями, а узкий кругозор ставит на пути развития серьезные ограничения.

Данные профориентации будут использованы для создания «индивидуальной траектории» — то есть перекоса в сторону определенных навыков, которые связаны с некоей «будущей профессией».

Ранняя профориентация в конечном итоге не выгодна государству. Узкий кругозор профессионалов ставит на пути развития серьезные ограничения.

IV. Среднее профессиональное образование: основные проблемы

1. Сокращение числа учебных заведений СПО

Система среднего профессионального образования (СПО) в советское время выполняла не только собственно профессиональную функцию, но и воспитательную, а также социальную, обеспечивая учащихся жильем, питанием и одеждой. Рыночные реформы привели к развалу промышленности и закрытию предприятий, вследствие чего исчез запрос на подготовку кадров для них. В итоге резкое сокращение числа учебных заведений СПО привело в долгосрочной перспективе к серьезному кадровому голоду.

При этом сфера услуг, бурно развивающаяся на рыночных просторах, не заинтересована нести бремя затрат на обучение, предпочитая нанимать опытных работников.

В постсоветское время техникумы и средние профессиональные училища были переведены с федерального на региональное финансирование, что поставило их в полную зависимость от экономического благополучия регионов. Региональные бюджеты в большинстве своем не страдали от избытка денег, что привело к недофинансированию учреждений профтехобразования, сокращению затрат на учебное оборудование и отказу властей от социальных обязательств.

2. Коммерциализация СПО

Система СПО оказалась по сути «выкинута» в рыночные условия, в такое состояние, которое можно охарактеризовать как «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». На языке реформаторов это называется «путь к частно-государственному партнерству». Расходы государства на СПО за 15 лет, начиная с 2000 года, сократились почти в два раза¹⁷, что привело к коммерциализации

¹⁷ [https://ioe.hse.ru/data/2017/12/11/1160137785/Финал_САО_8\(16\)_Электронный.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2017/12/11/1160137785/Финал_САО_8(16)_Электронный.pdf)

СПО. В 2021 году уже почти половина поступивших в колледжи (43%) вынуждена была оплачивать свое обучение¹⁸.

Однако к 2020-м управленцам частного и государственного сектора стало очевидно, что на предприятиях не хватает рабочих рук. Что те самые «непрестижные токари» скоро будут на вес золота, и надо что-то делать. А в условиях санкций, когда лишний гвоздь не импортируешь – ситуация становится критической.

Кроме того, хотя возможности отечественной промышленности выросли ненамного со времен ее разгрома в 1990-х, они оказались в полную меру востребованы в связи с ухудшением геополитической обстановки.

В частности, по данным Института экономической политики имени Гайдара, в январе 2024 года уровень кадрового голода достиг рекордного значения за всю историю опросов с 1996 года. На нехватку кадров жаловались 47% руководителей предприятий. Эксперты института связали это с нехваткой учреждений СПО.

По сути, это говорит о провале политики государственно-частного партнерства, которая проводится в сфере СПО. Промышленным предприятиям, давно переведенным на коммерческие рельсы, попросту невыгодно заниматься профтехобразованием, а принимаемые правительством меры их стимулирования — неэффективны.

3. Снижение качества обучения

В ходе реформы, проводимой в 2012 году, были упразднены профессиональные технические училища путем присоединения к колледжам и техникумам соответствующего профиля. Отныне в колледжах и техникумах стали готовить по двум направлениям: квалифицированные рабочие и специалисты

¹⁸ <https://issek.hse.ru/news/783551284.html>.

среднего звена. При реформе были закрыты тысячи училищ. Но главная беда — это потеря педагогического состава: преподавателей и мастеров профессионального обучения.

Сокращение педагогического состава, например, в колледжах, по сути, было принудительным, поскольку во многих образовательных организациях в порядке оптимизации сократили часы, увеличив число обучающихся в группах. При этом зарплата снизилась чуть ли не на треть (иногда и на половину), в связи с чем педагоги вынуждены были уволиться..

В правительстве РФ еще в 2021 году заговорили о необходимости привлечения бизнеса в систему СПО с тем, чтобы ускоренно, за два года, готовить специалистов по разрабатываемой программе «Профессионалитет»¹⁹.

Положение о проведении эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет»²⁰.

В п. 3 этого Положения заявлено, что «Целью проведения эксперимента является разработка, апробация и внедрение новой образовательной технологии, предусматривающей интенсификацию образовательной деятельности на основе совершенствования практической подготовки на современном оборудовании с применением интегративных педагогических подходов и автоматизированное конструирование образовательных программ с использованием цифрового образовательного ресурса, создаваемого Министерством просвещения Российской Федерации в рамках эксперимента».

Главное, во что вложилось государство – это пиар и брендинг. В сжатые сроки (в марте 2022 года объявили о реализации проекта, в сентябре

¹⁹ <https://rossaprimavera.ru/news/da7362f0>

²⁰ <https://ivo.garant.ru/#/document/403719658/paragraph/29:0>

2022 года уже начали осуществлять набор на обучение) учебные заведения должны были отремонтировать здания, помещения, мастерские и даже фасады украсить соответствующими вывесками и баннерами с разработанными логотипами. Только вот средства на ремонт и брендинг выделялись головной организацией кластера, а сетевые остались при своем. Хотя новые мастерские и оборудование не помешали бы никому. Не говоря уже, например, о банальной замене старых окон и ремонте текущей крыши.

В 2023 году программа «Профессионалитет» получила статус федерального проекта, который действует до 2030 года. При этом ранее сообщалось, что до 2025 года он будет в статусе эксперимента.

Программа «Профессионалитет», с одной стороны, дает более высокий уровень образования, чем программы начального профессионального образования, а с другой стороны — не позволяет достичь уровня программ СПО. «Профессионалитет» нацелен на практикоориентированность в ущерб кругозору, за счет сокращения преподавания общеобразовательных предметов. Фактически предлагается готовить квалифицированных, но малограмотных специалистов.

С точки зрения экономики, программа несомненно эффективна — с государства снимается часть затрат, которые шли на систему СПО, за счет перекладывания их на коммерческие структуры. Предприятиям, которые участвовали в программе «Профессионалитет», гарантировано кадровое пополнение — ведь они финансируют подготовку специалистов для своего конкретного технологического процесса. Фактически это целевое обучение по ускоренным программам профподготовки.

Однако быстро — еще не значит качественно. Кроме того, даже не принимается во внимание тот факт, что выпускники 9-х классов зачастую еще не способны грамотно сделать выбор профессии, а «Профессионалитет» не даст им другого шанса по причине слишком узкой специализации. Кроме того, хотя классическая советская система СПО давала, на первый взгляд, избыточно обширные знания, но зато они позволяли рабочим и техникам самостоятельно повышать свою квалификацию. Уровень программ обучения в техникумах времен СССР давал возможность их выпускникам работать на инженерных должностях.

Выпускникам «Профессионалитета» по мере совершенствования технологий придется получать навыки в новых для них прикладных дисциплинах, выходящих за рамки их профиля. А это означает дополнительные затраты времени и средств на обучение.

4. Низкий престиж рабочих специальностей

Престиж рабочей профессии в настоящее время очень низок. Подрастающему поколению в течение нескольких десятилетий внушали и внушают сейчас, что стать лучше «успешным менеджером», юристом или блогером.

Одновременно, в связи с нарастанием социально-экономического неблагополучия в стране, молодежь зачастую вынуждена как можно раньше начинать зарабатывать и не стремится в вузы, тем более что доступность высшего образования неуклонно снижается. Только с 2013 по 2019 год число вузов уменьшилось на 42%²¹, а стоимость обучения в них выросла (в 2019 году — на 15-19%, в 2023 — на 5-25%). Проведенное в 2021 году исследование РАНХиГС²² показало, что выпускники 9-х и 11-х классов школ в «значительной» своей части вынужденно, из-за ухудшающегося материального положения семей, выбирают обучение в системе среднего профессионального образования.

В то же время вот уже много лет наблюдается несоответствие между выбором абитуриентов и потребностями экономики. Молодые люди, поступающие в колледжи и техникумы, предпочитают выбирать творческие и ИТ-профессии. Так, например, в Санкт-Петербурге за год резко вырос конкурс на специальности графический дизайнер, фотограф, ювелир, художник по костюмам и др. Конкурс на ИТ-профессии в городе достиг 17 человек на место.

Однако на ряд очень востребованных сейчас рабочих специальностей конкурс составил меньше 1 человека на место. Для российской молодежи ручной труд всё еще остается непрестижным.

21 <https://iq.hse.ru/news/732791941.html>

22 <https://rossaprimavera.ru/news/86fa8176>

5. Предложения по исправлению ситуации

В целом, мы поддерживаем меры, озвученные председателем Госдумы Вячеславом Володиным, предложившим повысить зарплаты преподавателям, сделать обучение в учреждениях СПО бесплатным, а также внедрить ряд мер социальной защиты студентам.

В то же время собственно сам уровень профессионального образования, резко обвалившийся благодаря реформам последних десятилетий, продолжает падать.

В ходе реализации программ проекта «Профессионалитет» упор был сделан на практическую подготовку, а некоторые общеобразовательные предметы (например, география, астрономия) вообще были изъяты из учебного плана. Часы на оставшиеся оказались сокращены.

Важный и болезненный вопрос – это уровень самих выпускников школ. В 2023 году более 30% девятиклассников не сдали ОГЭ по математике. Многие из них не сдали его и со второго, и с третьего раза.

При острой нехватке рабочих рук школьники меньше всего желают поступать именно на заводские профессии и специальности. И оказываются в таких колледжах те, у кого самый низкий средний балл аттестата. В итоге, учиться многие студенты затем отказываются, поскольку неспособны, а других отчисляют за неуспеваемость сами учебные заведения. Преподаватели колледжей сообщают, что после школы такие студенты порой не знают таблицу умножения, пишут свое имя с ошибками и т. д.

В такой ситуации сокращение часов по общеобразовательным предметам и в СПО может обернуться серьезными негативными последствиями. Подготовка «опрошенных» кадров, с крайне узким кругозором и лишенных элементарных знаний (а ведь речь идет о рабочих, которые в дальнейшем должны будут работать на высокотехнологичных производствах) в долгосрочной перспективе приведет к появлению множества проблем и катастроф техногенного характера. Так можно доиграться до уровня обезьян с гранатой.

Такие специалисты никогда не смогут обеспечить технологическое развитие страны. К тому же программа воспитания по проекту «Профессионалитет»

предлагает переход от личностного к профессиональному воспитанию, в результате чего выпускник СПО должен будет воспринимать мир через призму своей профессии. Тем самым кругозор человека будет существенно сужен, что прямо противоречит указу президента РФ от 21.07.2020 г. № 474, предполагающего создание условий для воспитания гармонично развитой личности.

- В связи с вышеперечисленным мы предлагаем отказаться от идеи ускоренной подготовки специалистов СПО за счет упрощения и сокращения программ, какие бы выгоды в первом приближении они ни сулили (скорая подготовка кадров и, как мы предполагаем, надежды снизить бюджетные затраты на СПО за счет сокращения объема широкой базовой подготовки в угоду узкой специализации). Необходимо вернуть в учреждения СПО общеобразовательные предметы, присутствовавшие там ранее.
- Необходимо качественно повышать уровень образования в школах и требовать от них давать реальные знания по общеобразовательным предметам, чтобы в техникумах и колледжах не приходилось делать это едва ли не с нуля.
- Для повышения престижа рабочих профессий необходимо серьезным образом менять культурную и информационную политику. Среди героев современных фильмов, сериалов, создаваемых для детей, невозможно найти представителей рабочих профессий. Предлагаем в этом вопросе обратиться к практике СССР. Тогда огромное количество произведений масскульта воспевало труд и человека труда. Немалые усилия необходимо потратить на воспитание в детях желания и умения трудиться, поскольку в течение многих лет им внушали ценности потребительства и быстрого и легкого успеха

V. Иностранное влияние в области образования

Разработкой стратегических документов в области образовательной политики на глобальном уровне занимается несколько крупных международных надгосударственных структур. Среди них можно назвать ЮНЕСКО, Организацию экономического сотрудничества и развития (сокр. **ОЭСР**), Всемирный банк. Все эти международные организации исповедуют одни и те же принципы и проводят единую политику трансформации образовательных систем в государствах. Все они выпускают свои отдельные документы, которые либо дополняют, либо в некоторых аспектах повторяют друг друга.

При этом реальные цели деятельности этих организаций существенным образом отличаются от декларируемых. Так, например, ОЭСР в том виде, как она функционирует сейчас, создавалась по инициативе США и задумывалась как экономический двойник военно-политического блока НАТО. Сейчас стало очевидным, что главной целью внешней политики США является ослабление и уничтожение геополитических конкурентов. Разрушение социальных институтов государств-конкурентов становится неотъемлемой частью такой политики. Особенную важность здесь имеет разрушение системы образования, которое в долгосрочной перспективе обернется технологическим отставанием.

Россия активно пыталась стать членом ОЭСР, однако после начала СВО организация отказалась вести далее процесс переговоров. Но несмотря на то, что Россию так и не приняли в ОЭСР, наша страна тщательно выполняла разработанные в этой структуре рекомендации о трансформации системы образования.

Политика замены учителей цифрой, сбор данных на семьи, реформирование учебных программ — всё это разработано для наших образовательных министерств нашими западными «партнерами».

Каким образом западные структуры влияют на сферу образования в России? Таким же, каким они влияли на семейную политику и на другие сферы и государственные институты. Они переобучают чиновников, сотрудников ведомств, переформатируют их мировоззрение, снабжая готовыми пособиями, стратегическими документами, результатами ангажированных исследований.

Политика наших образовательных министерств и ведомств реализуется строго в рамках стратегий и моделей, разработанных западными международными структурами.

Надгосударственные структуры разрабатывают международные декларации, конвенции, соглашения и пр., подписать и выполнять которые они призывают государства-участников. Таким образом, реформирование практически всех сфер деятельности и государственных институтов управляется из некоего глобального центра.

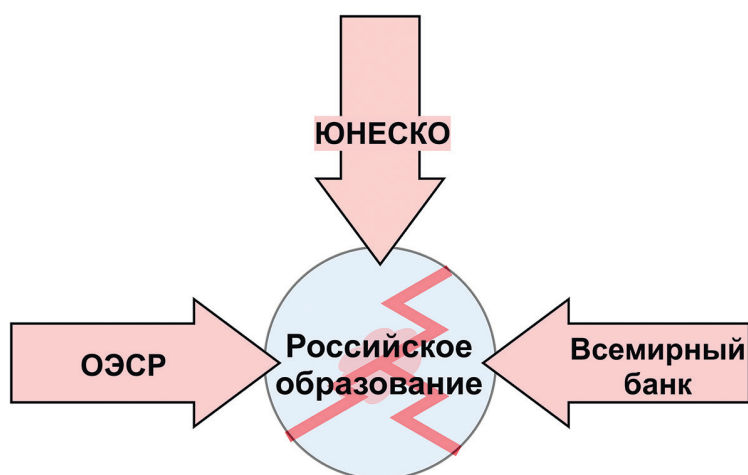
Для контроля за тем, насколько успешно и четко реализуются предписания этого центра, в странах создаются специальные структуры-надсмотрщики. Так, например, в России практически при всех ключевых вузах созданы кафедры ЮНЕСКО при институтах, занимающихся разработкой образовательной политики. Работают эти кафедры для «создания единого образовательного пространства партнеров из разных регионов глобального мира; продвижения в решении его образовательных, культурологических, гендерных и других проблем».

Образовательная политика в России продолжает осуществляться под руководством западных идеологов и после начала СВО. Новая международная обстановка, открыто враждебное отношение западных стран к России мало повлияли на ситуацию. Так, например, в декабре 2023 года комиссия ЮНЕСКО при правительстве РФ отчиталась о своей работе, на заседании комиссии выступил министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков. На заседании заявили о планах и дальше развивать кафедры ЮНЕСКО в российских вузах.

Сравнив документы, якобы разработанные нашими образовательными ведомствами, и западные, мы видим, что не только доводы, но даже сама лексика взята из западных документов. Российские стратегические документы,

регулирующие образовательную политику, — это калька, перевод западных документов, а экспертов, консультирующих наших чиновников в области образования, выращивали и воспитывали международные структуры.

Основные реформы, реализованные в течение последних нескольких лет, тесным образом связаны с появлением новых технологий. Интересно, что многие реформы, связанные с цифровизацией образования, были разработаны более 20 лет назад специалистами международных структур.

В существенной степени цифровизация образования в России проходила по предписаниям ОЭСР и ЮНЕСКО. Практически все подходы, технологии и системы, внедряемые в России, были разработаны в рамках этих организаций.

Рассмотрим несколько стратегических международных документов, касающихся цифровой трансформации образования, оказавших большое влияние на образовательную политику России. В этих документах описаны черты уже недалекого и очень мрачного будущего, которое глобализаторы сооружают для наших детей.

В 2015 году ЮНЕСКО совместно с ЮНИСЕФ, Всемирным банком, ЮНФПА, ПРООН, ООН-Женщины организовала Всемирный форум в Инчхоне (Республика Корея), в ходе которого были приняты Инчхонская декларация по повестке дня в области образования до 2030 года и Рамочная программа действий «Образование 2030», содержащие новую концепцию образования. В форуме приняли участие более 1600 участников из 160 стран, в том числе более 120 министров. В декларации было заявлено, что международное сообщество

должно работать над реализацией четвертой цели устойчивого развития ООН «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» (ЦУР-4).

Россия также взяла на себя обязательства по исполнению международных предписаний. Главы наших образовательных министерств регулярно отчитываются перед руководством ЮНЕСКО о том, как в стране идет работа по реализации четвертой цели ЦУР.

Реальная цель этого и других документов, которые мы будем упоминать, — обрушить с помощью цифровизации основные базовые системные элементы, на которых держалась всякая массовая система образования, и вместо нее соорудить систему тотального контроля и управления гражданами. Однако контролировать их будут не власти государства, а те самые международные структуры и стоящий за ними центр управления. Это хорошо видно по тем задачам, которые этот центр поставил перед странами — участницами международного сообщества.

Задача первая. Сбор данных о гражданах государства и функционировании его институтов

Ранее добыванием информации о деятельности государственных институтов и граждан страны занимались разведки враждебных стран. И называлась подобная деятельность шпионажем. Сегодня государственные власти своими руками собирают подобные сведения и передают их в руки иностранных государств.

И делают они это в рамках осуществления четвертой цели устойчивого развития, ЦУР-4, указанной в Инчхонской декларации и других международных документах.

Одним из главных требований, предъявляемых к государствам в этих документах, является требование внедрить систему сбора данных на детей и их родителей и передавать их международным надгосударственным структурам.

«Мы преисполнены решимости разрабатывать всеобъемлющие национальные системы мониторинга и оценки для сбора качественной информации в поддержку разработки политики и управления образовательными системами, а также обеспечения подотчетности. Мы также предлагаем соорганизаторам

и партнерам ВФО 2015 поддержать развитие потенциала в области сбора данных, их анализа и подготовки отчетности на страновом уровне. Страны должны стремиться к улучшению качества, совершенствованию степени разбивки данных и обеспечению своевременности представления отчетов Статистическому институту ЮНЕСКО», — заявлено в Инчхонской декларации.

Развитие информационных технологий дало возможность хранить и обрабатывать большие массивы данных. А международные структуры получили такой доступ к сведениям о гражданах других государств, который ранее невозможно было себе представить.

Настойчивость, с которой в международных документах предписывается собирать всевозможные данные о гражданах и заносить их в электронные базы, наводит на мысль, что их получение для международных надгосударственных структур — это одна из ключевых целей цифровизации образования.

«Сбор, анализ и использование данных будут также укрепляться путем содействия „революции данных“ на основе рекомендации Независимой консультативной группы экспертов по революции в использовании данных, созданной генеральным секретарем ООН в целях устойчивого развития», — сообщается в Инчхонской декларации.

Каким образом эксперты глобальных международных организаций объясняют необходимость сбора данных? Например, сбор данных о материальном благополучии семей, о системе финансирования образовательных учреждений можно организовать под видом борьбы с «неравенством в образовании» и «социальным исключением в образовании». Эти идеологемы часто

встречаются в стратегических документах и стали удобной причиной объяснения необходимости цифровизации образования: для сбора статистики о том, насколько доступным в стране является образование для бедных, надо оценить финансовое состояние каждой семьи в стране.

Для этой цели страны должны организовать *«использование разнообразных источников данных и информации, включая информационные системы управления образованием и соответствующие обзоры школ и домохозяйств в целях содействия мониторингу социального исключения в образовании. Всемирная база данных по неравенству в образовании является примером предоставления такой информации принимающим решения лицам для дальнейших действий в этой области»*, — сообщается в декларации ЮНЕСКО.

Российские чиновники ревностно собирают эти данные, несмотря на протесты собственного населения и предупреждения российских экспертов о том, что подобная деятельность подрывает безопасность граждан и государства в целом.

«Сбор этой информации — начало серьезной работы. Мы понимаем, что сбор и верификация данных — кропотливый, трудоемкий и долгий процесс», — заявил в 2019 году заместитель министра просвещения Российской Федерации В. С. Басюк на пресс-конференции, посвященной докладу «Российское образование в контексте международных индикаторов».

В 2021 году в России вышел документ «Стратегия цифровой трансформации образования», в котором наше правительство заявляет, что организации общего образования отвечают за *«ведение базы данных, внедрение информационных систем и за внедрение образовательных платформ и сервисов, обеспечивают построение системы управления образовательной организацией на основе анализа „Больших данных“»*.

Собираются данные не только о гражданах, но и о хозяйственной деятельности школ, их оснащенности оборудованием, материалами и т. д. Также правительства должны отчитаться о том, какова в стране *«процентная доля детей в возрасте до пяти лет, живущих в позитивной и стимулирующей обучение домашней среде,... процентная доля учащихся, сталкивающихся с притеснениями, телесными наказаниями, преследованиями, насилием, сексуальной дис-*

криминацией и домоганиями». Вот такое богатое досье на российские семьи должны теперь собирать российские чиновники для западных партнеров из ЮНЕСКО.

Проанализируем и другой документ этой организации — «Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения» от 2020 года. В нем сообщается, что *«финансовые трудности, семейные кризисы или проблемы со здоровьем, а также сложности интеграции в новую среду в окружении малознакомых людей и в условиях возросших академических требований — всё перечисленное считается основными причинами того, почему учащийся бросает колледж или университет. Однако учебные заведения всё чаще обращают внимание не только на эти факторы, но и на более глубокую и менее очевидную угрозу: нарушения душевного здоровья учащихся».*

В этом документе правительства призывают следить еще и за психическим состоянием детей и также передавать информацию иностранным структурам.

По мнению международных надгосударственных центров управления, детей нужно формировать совершенно определенным образом. Им надо давать образование «в интересах устойчивого развития», в них нужно воспитывать «глобальную гражданственность». А для этого государства должны собирать данные о «когнитивных, социоэмоциональных и поведенческих» характеристиках детей.

Искусственный интеллект, помимо прочего, должен следить за тем, как люди ведут себя в интернете, изучать их поисковые запросы. Итак, для того чтобы отчитаться перед глобальным сообществом по этим показателям, правительство должно организовать масштабный сбор информации о гражданах.

И в России как раз сейчас идет активный процесс внедрения соответствующих информационных баз на основе образовательных систем в регионах. До 2022 года наша страна отчитывалась по статистике и вносила данные в международную базу Статистического института ЮНЕСКО. Сбор данных продолжается и сейчас. И даже если официальным образом они не попадают в руки наших западных «партнеров», то судьба их всё равно неизвестна. Эксперты в области безопасности данных считают, что любую электронную базу можно взломать, причем так, что и следов от взлома не останется.

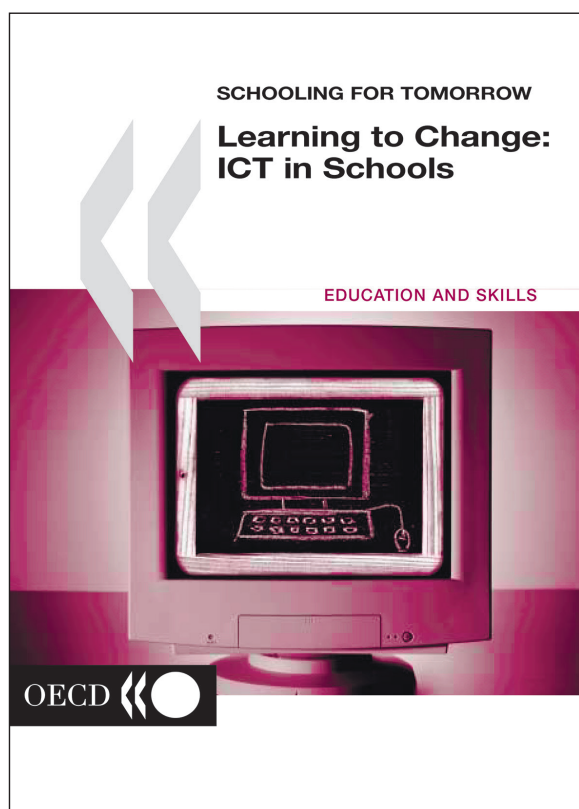
Задача вторая.

Разрушение системы передачи знаний и воспитания

Каким образом убедить общество, что оно должно отказаться развивать следующие поколения и передавать им знания? Например, объяснив, что важны не знания, а нечто другое. А в качестве замены предложить малопонятный суррогат. Таким суррогатом в международных документах назначены так называемые «навыки».

Процесс передачи знаний не должен быть главной целью в образовании, считают в ОЭСР, ЮНЕСКО и Всемирном банке. Главным в системе образования должны стать навыки, которые человек будет получать и в школе, и далее на протяжении всей жизни.

Эту идею международные эксперты обсуждают уже несколько десятилетий. *«Информационные технологии способствуют реструктуризации учебной программы для начальных и средних школ с новым упором на навыки доступа, управления и обработки информации, навыки совместной работы, решения проблем и обучения обучению»*, — сообщается в методическом пособии ОЭСР

по внедрению информационных технологий в школы (Learning to Change: ICT in Schools, 2001).

Знания мешают образованию в интересах устойчивого развития, потому что они препятствуют прогрессу и обучению навыкам.

«Закрытая традиционная учебная программа, основанная на четко определенном содержании и правилах, которые учащиеся должны усвоить и воспроизвести, препятствует интеграции информационных технологий», — считают в ОЭСР и сообщают, что для изменения ситуации нужно делать *«акцент на*

развитии навыков и междисциплинарной деятельности», а объем традиционных программ сокращать.

В документе описываются два вида навыков: когнитивные — касающиеся чтения, счета и письма, и некогнитивные, включающие *«критическое и новаторское мышление, межличностные навыки, внутриличностные навыки, навыки глобальной гражданственности, медийную и информационную грамотность и т. д.»*

Однако критическому мышлению человека, не имеющего знаний, не на что будет опираться, и он вряд ли будет способен по-настоящему судить о чем-либо. Кроме того, критическое мышление развивается в процессе изучения математики и естественных наук. А именно эти науки в международных документах предписано минимизировать в школьной программе.

В пособии ЮНЕСКО, посвященном внедрению в образование ИИ, говорится о том, что с появлением новых технологий *«приобретение знаний перестало быть ключевым приоритетом, а на первый план в учебных программах и педагогическом проектировании вышли способность работать в команде, сотрудничать и эффективно общаться, а также развивать аналитические и цифровые навыки».*

По мнению международных экспертов в образовании, на рынке труда будут в первую очередь востребованы социальные и эмоциональные навыки. *«Осознание того, что существует взаимосвязь между мировоззрением и настроением учащегося, его умением взаимодействовать и сотрудничать с другими и способностью учиться породило необходимость проведения реформы образования со смещением акцента на эти навыки»*, — сообщают эксперты ЮНЕСКО.

Между тем сейчас на российском рынке труда наблюдается острый дефицит инженерных кадров, людей с хорошими фундаментальными знаниями в области естественных наук — физики, химии, математики. Кроме того, в условиях постоянно меняющихся технологий особую ценность приобретает наличие у работника фундаментальных знаний и способности учиться и развиваться. А эти способности он приобретает, получая широкие знания. Подход «навыки вместо знаний» напрямую подрывает возможность государства технологически развиваться.

Российские чиновники в сфере образования также начали внедрение идеи навыков в школы. О том, как важно развивать навыки и компетенции в школе, говорится и в российских официальных документах. Например, в приказе от 19 марта 2024 г. № 171 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования».

Задача третья.

Разрушение единого образовательного пространства и уничтожение института учителей

Процесс внедрения в российское образование технологий искусственного интеллекта и тесно связанной с ними идеи индивидуальных образовательных траекторий был разработан для российских ведомств в кабинетах международных наднациональных структур.

«ИИ обеспечивает возможность получения данных из разнообразных источников, проверки этих данных и их анализа с использованием таких инструментов, как прогнозная аналитика и машинное обучение, таким образом, может быть раскрыт многообещающий потенциал ИИ в сфере образовательных технологий и его использование может сыграть роль катализатора трансформации образования для всех заинтересованных сторон — от отдельных учащихся до министерств образования», — уверены в ЮНЕСКО (Искусственный интеллект в образовании. Изменение темпов обучения. Институт Юнеско по информационным технологиям в образовании, 2020).

Авторы документа считают, что ИИ должен разрабатывать *«для каждого из обучающихся индивидуальные образовательные траектории — чтобы выявлять и удовлетворять специфические потребности каждого учащегося — и формировать автоматизированные отчеты в режиме реального времени нажатием одной кнопки».*

Сравним эту цитату с цитатой из российского документа «Паспорт Стратегии цифровой трансформации образования 2021». В нем мы читаем

слова о том, что цифровые технологии *«позволят реализовывать образовательные программы углубленного уровня и выстраивать индивидуальные образовательные траектории»*.

Там же сообщается, что разработкой траекторий должен заниматься *«сервис, автоматизирующий проверку домашних заданий и планирование рабочих программ с привлечением экспертных систем искусственного интеллекта, упрощающий и помогающий сформировать эффективную систему выявления, развития и поддержки талантов у детей»*.

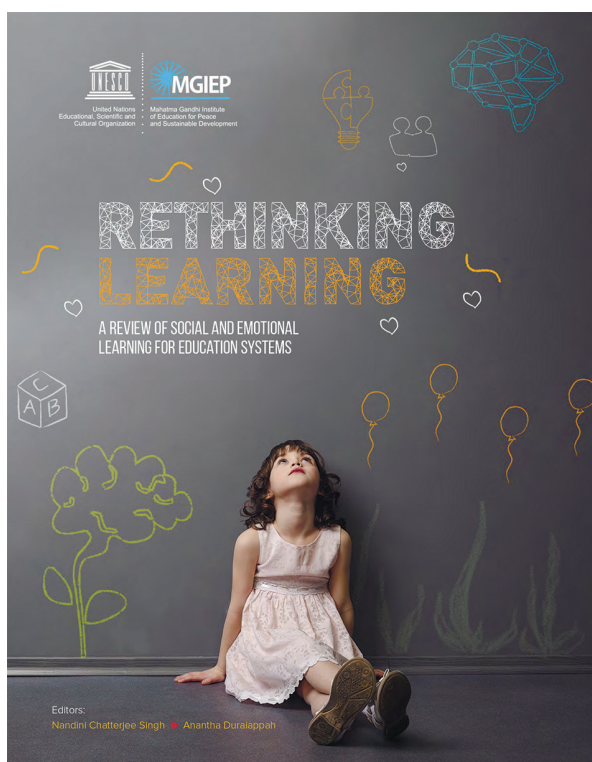
Необходимость замены учителя искусственным интеллектом в наших стратегических документах аргументируется точно так же, как и в международных.

В ЮНЕСКО считают, что обратная связь для школьников должна осуществляться *«в режиме реального времени»*. В российском «Паспорте Стратегии цифровой трансформации образования 2021» сообщается, что в бумажном контенте отсутствует *«оперативная обратная связь»*.

Вновь сравнив документы, разработанные нашими образовательными ведомствами, и западные, мы видим очевидное совпадение.

В документе говорится, что координацию реформ образования в странах будут осуществлять ответственные за повестку «Образование-2030» учреждения. А это ЮНЕСКО, ПРООН, ЮНФПА, УВКБ ООН, ЮНИСЕФ, ООН-Женщины, Всемирный банк и МОТ. Также предполагается обучение специалистов и экспертов, осуществление совместных проектов. Координация будет осуществляться через мониторинг. Итак, обученные Всемирным банком и прочими международными глобальными организациями специалисты в области образования далее будут внедрять в странах нужную образовательную политику. А также собирать и предоставлять для глобальных структур

информацию о гражданах страны. Информация эта касается всех аспектов жизни человека: его семейных отношений, эмоциональных и поведенческих особенностей, его достижений. Именно такие данные будут собираться под видом мониторинга ситуаций с насилием над женщинами и девочками (семейные отношения), способности к обучению навыкам (психологические и поведенческие особенности), достижений (оценки, портфолио ученика). Организация ООН-Женщины и ЮНФПА занимаются разработкой ювенальных технологий. И нет

никаких сомнений в том, что ювенальная повестка, осуществляемая нашими образовательными министерствами (см. раздел «5.Сбор персональных данных и внедрение ювенальной системы через цифровизацию»), является следствием «информационно-разъяснительной работы» и «обучения», проведенного с нашими чиновниками самого разного уровня, что проекты сбора данных и слежки за семьями созданы в рамках «обмена передовым опытом».

«Поскольку основная ответственность за мониторинг возложена на страны, они в консультации с гражданским обществом должны создать адаптированные к национальным приоритетам действенные механизмы мониторинга и подотчетности», — сообщают в ЮНЕСКО.

Здесь важным является требование координировать свои действия с представителями гражданского общества. Как правило, речь идет об ангажированных НПО, изначально получающих иностранное финансирование, налаживающих связи с местной бюрократией, разрабатывающих разнообразные программные продукты, методические пособия и организующих всевозможные мероприятия с выверенной идеологической направленностью. В последующем эти НПО начинают получать финансирование из местных бюджетов.

Безусловно, рассматриваемые нами документы не являются единственными в своем роде. Существует множество подобных документов, созданных дочерними или связанными с описанными нами выше структурами. Они в той или иной степени повторяют или дополняют друг друга.

Грядущие реформы для России от международных центров: отказ от системы оценок и воспитание «глобального гражданина» с помощью искусственного интеллекта и компьютерных игр

Идеологи образования в целях устойчивого развития (ОУР) уверены, что цифровизация не может быть реализована в полной мере, пока существуют оценки, которые выставляются за знания. Прогресс в продвижении цифры авторы ОЭСР связывают с разработкой системы оценок для навыков.

«Поощрение передовых навыков и компетенций не будет иметь успеха в системах оценки, которые в подавляющем большинстве основаны на знаниях», — пишут они.

Образование в интересах устойчивого развития и «воспитание глобальной гражданственности» не может осуществляться, если дети в школе будут получать знания. А если нет знаний, то в оценках тоже нет необходимости.

Навыки будут оцениваться в том числе и с помощью цифровых портфолио школьников. Их уже активно внедряют в российских школах. Идею цифровых портфолио российские чиновники также получили от западных центров.

Инструмент «оценки» мы уже описали выше в главе «Сбор персональных данных и внедрение ювенальной системы через цифровизацию». Обработать полученные данные будет ИИ.

Воспитание глобального гражданина

В последних документах ЮНЕСКО заявляется, что главной целью обучения должны стать некогнитивные навыки (иными словами, не связанные со знаниями). А сам процесс их приобретения называется «социальное и эмоциональное обучение» (Social and Emotional Learning, SEL).

Так, во Всемирном банке считают, что образовательные учреждения должны изучать и формировать социальные, эмоциональные, личностные поведенческие характеристики человека. Кроме того, Всемирному банку, ЮНЕСКО и ОЭСР важно получить информацию о таких личных качествах всех детей того или иного государства, как открытость, добросовестность, невротизм, экстраверсия, склонность к агрессии, обману т. д.

Развивать все эти навыки детям будут цифровые инструменты и искусственный интеллект. *«Искусственный интеллект и мультимодальные социальные вычисления могут способствовать совершенствованию когнитивных, социальных и эмоциональных навыков»*, — сообщают эксперты ЮНЕСКО.

Сначала ИИ проанализирует собранные на ребенка учителем, психологами и врачами данные, а также данные о выполнении заданий в цифровой форме на образовательных платформах и информацию из портфолио. А потом сам ИИ напишет для ребенка индивидуальную образовательную траекторию обучения навыкам.

Обучать нужным «навыкам» предполагается с помощью компьютерных игр, говорят западные теоретики образования. Формировать глобального гражданина, выявлять и контролировать его эмоции будут компьютерные игры и искусственный интеллект.

Очевидно, что эта концепция прекрасно сочетается с искусственно созданным дефицитом учителей в школах. В Международных стратегических документах в области образования уже предусмотрено, что учителя в школах востребованы практически не будут.

Эту концепцию обучения навыкам через компьютерные игры приняли и наши образовательные ведомства. В приказе от 19 марта 2024 г. № 171 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» сообщается, что компьютерные игры способствуют «формированию у обучающихся навыков общечеловеческой культуры и социального самоопределения».

Об опасностях взаимодействия детей с гаджетами и другими экранными средствами и о том, к каким тяжелым последствиям для населения и государства в целом приведут описанные выше технологии, мы писали в главе «Разрушительное влияние цифровых экранных средств на психическое развитие детей».

Об истинной же цели разработанных западными центрами для России и других стран образовательных концепций весьма точно, на наш взгляд, рассказал израильский аналитик, футуролог и консультант Клауса Шваба Юваль Харрари. Он уверен, что в скором времени развитие технологий достигнет момента, когда дешевый труд огромного числа людей окажется невостребованным.

«Самый большой вопрос экономики и политики грядущих десятилетий — это вопрос: что делать со всеми этими никчемными людьми. Как и чем их занять? И как они найдут какой-то смысл в жизни, когда они, по существу, бессмысленны и никчемны? Лучшее, что мне приходит в голову, это комбинация наркотиков и компьютерных игр», — сказал он.

Хочет ли Россия такой судьбы для миллионов российских детей? Очевидно, что цели развития будущих поколений в нашей стране и на Западе кардинальным образом не совпадают. Так же, как не совпадает и отношение к народу в целом. Поэтому Россия должна отказаться от следования западному курсу в развитии образования.

Родительское Всероссийское Сопротивление
2024

